

Социология общения в поле социальных наук

Андрей Резаев

Доктор философских наук, заведующий кафедрой сравнительной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес: Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, Россия 199034
E-mail: a.rezaev@spbu.ru

Наталья Трегубова

Кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес: Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, Россия 199034
E-mail: n.tregubova@spbu.ru

Статья представляет результаты исследования, нацеленного на поиск базовых сходств и специфических различий среди многообразия современных социологических концепций, рассматривающих общение как исследовательскую проблему. Данная цель реализуется на основании сравнительного анализа «наиболее сходных случаев» — четырех теоретических позиций, разработанных в рамках традиции осмысления общения, восходящей к Э. Дюркгейму и И. Гофману. Это концепция порядков взаимодействия Э. Роулз; теория ритуалов взаимодействия Р. Коллинза; концепция социального перформанса Дж. Александра; и теории межличностного поведения Дж. Тернера. Статья начинается с рассмотрения вопроса о том, какой феномен социальной реальности фиксируется словом «общение», какими базовыми характеристиками он обладает и с какими исследовательскими проблемами связан в социологии. Выделяется «дюркгеймианско-гофманианская» теоретическая традиция анализа общения в социологии. Далее представлен сравнительный анализ теорий Э. Роулз, Р. Коллинза, Дж. Александра и Дж. Тернера. Затем, на более высоком уровне абстракции, статья ставит вопрос о характере сходств и различий между рассмотренными теориями. Утверждается, что для их характеристики может быть использовано не парадигмальное различие, а выделение исследовательских дилемм, структурирующих концептуальные проблемы анализа общения в социологии. В заключение рассмотрен вопрос о месте социологии общения в современной социологии, в частности о ее соотношении с социологией повседневности и социологией эмоций.

Ключевые слова: социологическая теория, общение, социальное взаимодействие, сравнительный анализ, Энн Роулз, Рэндалл Коллинз, Джеффри Александер, Джонатан Тернер

Анализ русскоязычной литературы, в которой представлены социологические подходы к изучению общения, фиксирует следующую проблему. Если три-пять лет назад исследования, связанные с анализом феноменов общения людей друг с другом, были перегружены концептуальным аппаратом и методами социологии

© Резаев А. В., 2017

© Трегубова Н. Д., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-133-162

коммуникации, то сейчас мы наблюдаем множество частично перекрывающихся друг друга теорий и методологий, часто выражаемых сложным и «закрытым» языком. При этом такое положение дел соотносится с развитием социологической теории в целом. Среди теоретико-методологических оснований, ставших популярными в последнее время и связанных с аналитикой повседневного общения, можно назвать этнометодологию, фрейм-анализ, социологию градов оправдания Л. Тевено, культурсоциологию Дж. Александера, акторно-сетевую теорию. Подобное разнообразие — несомненный шаг вперед. Однако возникают вопросы: как различные концепции и методологии соотносятся между собой, можно ли их в принципе сопоставлять и что может выступать основанием сравнения, в чем их действительные эвристические различия и возможности.

В более ранних публикациях мы рассматривали вопросы о соотношении социологии коммуникации и социологии общения (Резаев, Трегубова, 2015а, 2015в), о месте социологического анализа общения в структуре социально-научного знания (Трегубова, 2014), о перспективах исследования проблем неравенства и социального исключения на уровне повседневного общения в соотношении со «структурными» и «культурными» подходами (Резаев, Трегубова, 2015б). Мы также призывали к синтезу различных направлений в социологическом анализе общения и говорили о его возникновении (Резаев, 2002; Резаев, Трегубова, 2015в). Но о каком именно синтезе идет речь? И чем должна быть социология общения: единой теорией, набором разных теорий, отраслевой социологией, междисциплинарной областью или чем-то иным? Цель настоящей статьи состоит в попытке дать ответы на эти вопросы на материалах сравнительного анализа теорий, примыкающих к одной линии осмысления общения в социологии — к дюркгеймианско-гофманианской традиции исследования социальных взаимодействий.

Дальнейшее изложение будет выстроено следующим образом. Мы начнем с рассмотрения вопросов о том, какой феномен социальной реальности фиксируется словом «общение», какие параметры его характеризуют и с какими исследовательскими проблемами феномен общения «входит» в систему социологического знания. Далее будет представлен сравнительный анализ «наиболее сходных случаев» — четырех современных теорий социального взаимодействия: 1) концепции порядков взаимодействия Э. Роулз; 2) теории ритуалов взаимодействия Р. Коллинза; 3) концепции социального перформанса Дж. Александера; 4) теории межличностного поведения Дж. Тернера. Затем, переходя на более высокий уровень абстракции, мы характеризуем десять дилемм, структурирующих концептуальные проблемы исследования общения в социологии. В заключение будет рассмотрен вопрос о месте социологии общения в современной социологии.

Общение как феномен и как исследовательская проблема

Какой феномен социальной реальности фиксируется словом «общение»? Для ответа на этот вопрос рассмотрим значение термина «общение» в обыденном

русском языке. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (Ушаков, 1994: 727) дает следующее определение: «общение — множественного числа нет; взаимные сношения, связь». В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой (Евгеньева, 1986: 576) общение определяется как: «а) действие по значению глагола общаться, т. е. поддерживать отношения, встречаться; б) взаимные сношения, деловая или дружественная связь». Такое же толкование дает Словарь русского языка С. И. Ожегова (Ожегов, 1987: 376).

Рассматривая словарные определения, следует сделать несколько замечаний. Во-первых, общение — отглагольное существительное, образованное на основе глагола «общаться», то есть оно обозначает *действие*. Во-вторых, возвратный глагол «общаться» (не существует формы «общать») указывает на то, что в действии принимают участие *несколько сторон*. В-третьих, общение относится не к единичному акту (иначе существовало бы множественное число — общения), а к *совокупности* действий. Наконец, эта совокупность действий относится к установлению *взаимосвязей и взаимоотношений* в человеческом обществе. Таким образом, в русском языке «общение» обозначает совокупность действий, в которых участвуют несколько сторон, направленных на установление между этими сторонами взаимосвязей и взаимоотношений. В подавляющем большинстве случаев общение характеризует межчеловеческие отношения: говорить, например, об общении деревьев можно скорее в метафорическом смысле.

Обращаясь к актуальному словоупотреблению, следует указать на чрезвычайно широкий смысл слова, который не раскрывает, какие именно взаимоотношения устанавливаются и устанавливаются ли они в принципе: «Общение охватывает все границы близости, покрывает любой контакт — от интимного... до полного отсутствия какой-либо устойчивой связи» (Федорова, 2011: 51). Если задаться вопросом, как происходит установление взаимоотношений, то можно видеть, что глагол «общаться» не предполагает прямого дополнения: нельзя сказать *чем* общаются — в отличие, например, от глагола «обмениваться» (Федорова, 2011: 49). То есть общение сводится к действиям участников, направленным друг на друга.

Таким образом, общение как феномен характеризуется: 1) социальностью, понимаемой как установление межчеловеческих взаимосвязей; 2) процессуальностью; 3) взаимной направленностью. Очевидно также и то, что слово «общение» относится к чрезвычайно широкому кругу явлений социальной жизни. Общение *социально* по определению; в процессе общения устанавливаются взаимоотношения и взаимосвязи между людьми, однако общение может стать причиной разрыва социальных отношений. Общение — это то, к чему люди стремятся и чего избегают, что приносит им радость и требует значительных усилий. Границы общения вовсе не очевидны, так как практически любое присутствие людей (например, пассажиров в общественном транспорте) устанавливает некоторую — пусть мимолетную — взаимосвязь.

Если отталкиваться от широкой трактовки феномена общения, то очевидно, что разные дисциплины и разные направления внутри дисциплин подходят к

анализу феномена общения по-разному — в зависимости от непосредственного предмета их интереса (и, добавим, методов исследования). Проблема общения фиксируется как совокупность специфических задач по исследованию феномена общения, которые возникают перед конкретной областью познания при реализации ее познавательного интереса. Иными словами, проблема общения состоит в затруднениях, связанных с необходимостью исследования общения *per se*.

Для социологии общение как теоретическая проблема становится все более актуальной, начиная с работ И. Гофмана и Г. Гарфинкеля 1950–1960-х годов (Трегубова, 2014). Эта проблема часто (хотя и не исключительно) формулируется в терминах микросоциологии, на уровне исследования социального взаимодействия. Здесь следует сделать пояснение о соотношении между терминами. Мы рассматриваем «общение» как более широкое понятие, а «социальное взаимодействие»/«социальную интеракцию» — как конкретный термин, отсылающий к одной из традиций в анализе общения наряду с «общественными отношениями», «социальной коммуникацией», «коммуникативным действием» и некоторыми другими (см. также: Резаев, Трегубова, 2015в). В этом отношении социология взаимодействия может рассматриваться как синоним микросоциологии, а социология общения представляет собой более широкое концептуальное поле¹.

Однако социологический анализ социальных взаимодействий сам не является однородным. Так, в монографии «Социологии взаимодействия» (Sociologies of Interaction) выделяются три разные социологические перспективы, в рамках которых исследуются практики социального взаимодействия: символический интеракционизм, этнометодология и разговорный анализ/исследования порядка взаимодействия (Dennis, Philburn, Smith, 2013). Каждая из них характеризуется определенным набором имен, концептуальными и методологическими предпосылками. Эти «социологии», согласно тезису авторов, являются альтернативными по отношению к мейнстримной, конвенциональной социологии как она сложилась со второй половины XX века в США — в отношении как методов, так и базовых представлений о человеческой деятельности.

Предложенная типология рассматривает «социологии взаимодействия» как устойчивые направления, интегрированные вокруг нескольких ключевых идей и, что более важно, конкретных методологий фиксации и анализа феноменов общения. В настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением проблем общения только на уровне социологической теории. (Разумеется, вопросы измерения и эмпирического анализа и общения принципиально значимы для социологической

1. В русскоязычной традиции социальной мысли такое соотношение между искомыми понятиями характеризует не только в социологию, но и, например, социальную психологию. Так, Г. М. Андреева выделяет три стороны общения — взаимодействие/интеракцию, перцепцию и коммуникацию: «Коммуникативная сторона общения, или коммуникация в узком смысле слова, состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т. е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания» (Андреева, 1988: 95).

науки, однако они требуют своего осмысления в рамках специальной работы; в заключение статьи мы вернемся к этой проблеме.) Поэтому мы используем несколько иную классификацию традиций социологического анализа общения, основанную на том, вокруг чего строится его концептуализация. С точки зрения теории, одна из наиболее развитых и наиболее перспективных линий анализа общения в социологии, которая и является предметом непосредственного анализа данной статьи, может быть обозначена как «дюркгеймианско-гофманианская». Она связана с наследием позднего Эмиля Дюркгейма — положениями его монографии «Элементарные формы религиозной жизни», которые затем развивались в микро-социологии И. Гофмана и отчасти Г. Гарфинкеля.

В «Элементарных формах религиозной жизни» (Durkheim, 1964) Э. Дюркгейм, рассматривая проблемы воспроизводства общества и производства солидарности, переходит с макроуровня социальной морфологии и коллективных представлений, характерного для его ранних работ, на микроуровень взаимодействий лицом-к-лицу. Автор проводит различие между сферой сакрального — взаимодействиями во время религиозных ритуалов, производящих коллективную солидарность, и сферой профанного — рутинными взаимодействиями, в ходе которых люди преследуют индивидуальные интересы (см. также: Юдин, 2013). Ритуал, согласно Э. Дюркгейму, характеризуется собранием людей в одном месте, их телесным присутствием и предполагает, что все участники ритуала фокусируют внимание на некотором объекте, который символически выражает их общность (например, для клана таким объектом выступает тотем). Обращаясь к одному культурному символу и координируя телесные движения, участники достигают особого эмоционального состояния, которое обозначается автором как «коллективное возбуждение» (*collective effervescence* — буквально «коллективное вспенивание»). Долгосрочным эффектом ритуала является солидарность участников, которая, однако, требует постоянного «подпитывания» в новых ритуалах.

Анализ ритуалов из «Элементарных форм религиозной жизни» в дальнейшем развивался как социологами, так и антропологами. Сначала к нему обращались преимущественно антропологи (Тернер, 1983). Однако с середины XX века идеи позднего Дюркгейма получают новый поворот — прежде всего в работах И. Гофмана, который отказывается от строгого различия между сферами профанного и сакрального и переносит анализ ритуалов в повседневность (Goffman, 1967). Сегодня концепция ритуалов Дюркгейма и ее переработка в рамках наследия Гофмана является одним из наиболее важных теоретических ресурсов для социологического анализа феноменов общения, в том числе — его эмоциональной составляющей (Деева, 2010).

Дюркгеймианско-гофманианская традиция строится вокруг нескольких ключевых вопросов: Как со-присутствие людей порождает солидарность и социальные связи? Как выстраивается и разрушается социальная общность во взаимодействиях лицом-к-лицу? Чем определяется эмоциональная динамика социального

взаимодействия? Как «вселенная взаимодействия» связана с реальностью «большого» общества, его структур и процессов?

Эта традиция, безусловно, не является единственной в социологии. Так, можно проследить линию, идущую от анализа общественных отношений и трудовой деятельности в работах К. Маркса к таким направлениям, как институциональная этнография Д. Смит и грамматика множества П. Вирно. Можно рассматривать связь между концепцией социального действия М. Вебера и теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса и далее — социологией градов оправдания Л. Тевено. Кроме того, относительно обособленными традициями являются символический интеракционизм, восходящий к работам Дж. Г. Мида, и формальная социология Г. Зиммеля, развиваемая затем в исторической социологии Н. Элиаса и в сетевом анализе. Тем не менее представляется, что дюркгеймианско-гофманианская линия в анализе общения наиболее развита. Она наиболее тесно связана с методами микросоциологии, и, что принципиально для сформулированной в настоящей статье проблемы, именно она послужила основанием для создания детально разработанных концепций и теорий социального взаимодействия в современной социологии. Их сравнительному анализу и посвящен следующий раздел.

Дюркгеймианско-гофманианская традиция анализа общения в современной социологии: сравнительный анализ теорий Э. Роулз, Р. Коллинза, Дж. Александра и Дж. Тернера

Для характеристики способов постановки проблем общения в современной социологической теории обратимся к сравнению четырех «кейсов»: 1) концепции порядков взаимодействия Э. Роулз; 2) теории ритуалов взаимодействия Р. Коллинза; 3) концепции социального перформанса Дж. Александра; 4) теории межличностного поведения Дж. Тернера.

Но вначале важное замечание. Может показаться, что обращение к трудам упомянутых теоретиков как представителей единой исследовательской традиции является неожиданным — в особенности для русскоязычной социальной науки, поскольку для сравнительного анализа выбраны не самые популярные и цитируемые их работы. Р. Коллинз известен у нас как неовеберианец и сравнительный макросоциолог (Коллинз, 2000), а из исследований, близких проблематике общения, наиболее известна его монография «Социология философий» (Коллинз, 2002), где теоретические рассуждения о ритуалах взаимодействия обрамляют результаты обширного эмпирического исследования. Дж. Александер рассматривается в первую очередь как гуру культуросоциологии — более общей теоретической ориентации, чем та, которую являет концепция социального перформанса (Александер, Смит, 2010; Куракин, 2010). Творчество Э. Роулз только начинает входить в научный оборот отечественной социологии, причем не со стороны концепции «порядка взаимодействия», а со стороны развития дюркгеймовской эпистемологии (Ро-

улз, 2005, 2014). Дж. Тернер с его теорией межличностного поведения практически вовсе не известен.

Выбор именно этих теорий обусловлен тем, что на общем уровне каждая из них отталкивается от понимания взаимодействия, укорененного в традиции американской микросоциологии, развивая концептуальные находки Гофмана и во многом позднего Дюркгейма. Интересно, что ключевые понятия авторов — «ритуал взаимодействия», «порядок взаимодействия», «фокусированное взаимодействие», «социальный перформанс» — могут восходить к разным работам Гофмана.

Сходства и различия, общий исток и расходящиеся пути в рассматриваемых теориях — предмет нашего дальнейшего анализа. Мы представим ключевые положения, которые разрабатываются в работах каждого из авторов, а затем подведем предварительные итоги по результатам их сравнительного анализа.

*Концепция порядков взаимодействия*² Э. Роулз не сформулирована в отдельной статье или монографии и не развита в виде систематической теории. Положения данной концепции фиксируются в ее разных работах, начиная с 1980-х годов до настоящего времени. В ключевой статье «Порядок взаимодействия *sui generis*: вклад Гофмана в социологическую теорию» (Rawls, 1987) автор формулирует принципиальную идею: в социальной реальности существуют два порядка — *институциональный порядок*, которым традиционно занимается социология, и *порядок взаимодействия*. Последний игнорировался социологами до Гофмана, который осуществил прорыв в социологической теории, поставив вопрос о существовании порядка взаимодействия, отличного от институционального порядка. Согласно Роулз, характеристика порядка взаимодействия должна опираться на фундамент исследований Гофмана, дополненные подходом Гарфинкеля к анализу речи и языка.

Порядок взаимодействия — это социальный порядок *sui generis*, основанный на потребностях людей в поддержании социального Я (Self), которое происходит во взаимодействии и накладывает на взаимодействующих моральные ограничения (moral constraints). Для Роулз, презентация Self — базовая, первичная, «общечеловеческая» потребность, которая существует независимо от позиции индивида в социальной структуре, от распределения власти и статуса; именно поэтому порядок взаимодействия не сводится к институциональному порядку. Автор ссылается на гофмановские исследования тотальных институтов, показывая, как моральные ограничения вступают в противоречия с институциональным распорядком, так что, например, телесные прикосновения между младшим медицинским персоналом и пациентами в психиатрической клинике сохраняют социальные Я пациентов.

Поддержание Self достигается благодаря следованию фоновым правилам (ground rules) и исполнению обязательств по включению во взаимодействие (in-

2. Понятие «interaction order» заимствовано Роулз у Гофмана, из его президентского послания; мы переводим «interaction order» как «порядок взаимодействия» в соответствии со сложившейся традицией (Гофман, 2002).

volvement obligations), которые и упорядочивают порядок взаимодействия. Эти правила и обязательства относятся к тому, что составляет «вселенную взаимодействия»: к чередке реплик и пауз, соблюдению пространственной дистанции, мгновенному выбору слов, игнорированию «ошибок» и «исправлений» собеседника и т. д. Во время взаимодействия должен установиться рабочий консенсус (working consensus) — скрытое понимание того, что можно и нельзя делать, разделяемое собеседниками; если консенсус нарушается, происходит «коллапс» взаимодействия. Достижение рабочего консенсуса делает взаимодействие осмысленным (meaningful) и обеспечивает выполнение базовой потребности в поддержании социального Я.

Однако есть ли некий универсальный «порядок взаимодействия» или же существуют разные порядки взаимодействия, которым соответствуют различные социальные Я? Роулз обращается к данному вопросу в более поздней статье, посвященной осмыслению расовых взаимоотношений на материалах собственных эмпирических исследований (Rawls, 2000), где рассматривает расовое разделение как следствие различия в порядках взаимодействия, способах достижения рабочего консенсуса и типах Self, свойственных «белому» (white) и «черному» (black) населению США. Согласно Роулз, специфика современного (modern) общества — американского в том числе — состоит в присущем ему особом, индивидуализированном Self. Его поддержание происходит через презентацию «категорий», к которым принадлежит индивид (возраст, пол, социальный класс, профессия и др.). Такое социальное Я автор называет «категорийным» (categorical Self). Категорийному Я соответствует рабочий консенсус, в соответствии с которым во взаимодействии индивид должен демонстрировать собеседнику принадлежность к той или иной категории. Данное положение характерно для «белого», но не для «черного» населения США. Последнее исторически было изолировано в более-менее замкнутые сообщества, где образовались иной тип рабочего консенсуса и иной тип социального Я, которое Э. Роулз называет «командным Я» (teamwork Self). Такое Я поддерживается не через презентацию социальных категорий, а через совместные — командные — усилия собеседников по интерпретации текущей ситуации, в чем и заключается рабочий консенсус.

Сами по себе эти различия не порождают социального неравенства. Однако при наложении на структурное неравенство порядок взаимодействия, который разделяется большинством и/или привилегированными группами, признается нормальным, а альтернативный становится отклонением от нормы. При этом отклонение отклоняющихся происходит на уровне повседневных взаимодействий, неосознанно, потому что те «не умеют себя вести» (Rawls, Davis, 2005). На этом примере можно наблюдать относительную автономию и взаимовлияние институциональных порядков и порядков взаимодействия.

*Теория ритуалов взаимодействия*³ Р. Коллинза продолжает традицию исследований ритуала как источника солидарности, опираясь на концептуальные находки Дюркгейма и Гофмана (прежде всего Goffman, 1967). Начиная с 1980-х годов ее ключевые положения формулировались автором в отдельных статьях (Collins, 1981, 1993; Kemper, Collins, 1990), порождая дискуссии (см.: Collins, 1989 и дальнейшее обсуждение) и реализуясь в эмпирических исследованиях (Коллинз, 2002). Наиболее полное и систематическое ее изложение представлено в монографии «Цепочки ритуалов взаимодействия» (Interaction Ritual Chains) (Collins, 2004).

Ключевое понятие теории Коллинза — «ритуал взаимодействия», который характеризуется автором через его условия, механизм (процессы) и последствия (Collins, 2004: 47–49).

Автор определяет следующие условия ритуала взаимодействия: 1) физическое присутствие нескольких людей (взаимодействие через средства удаленной коммуникации рассматривается как «ослабленное» присутствие); 2) групповая граница, отделяющая непосредственно вовлеченных во взаимодействие; 3) общий фокус внимания (mutual focus of attention) — объект, к которому обращены все присутствующие; 4) общий эмоциональный настрой (shared mood). При выполнении этих условий запускается механизм ритуала взаимодействия: фокус внимания и эмоциональный настрой взаимно усиливаются, так что более пристальное внимание членов группы к одному объекту подкрепляет эмоциональный настрой, что побуждает еще больше сосредоточить внимание и т. д. Коллинз называет этот процесс «ритмическим вовлечением» (rhythmic entrainment) и говорит о нем как об эмоционально-когнитивном опыте интерсубъективности. Ритмическое вовлечение может принимать форму дружеской беседы, аплодисментов в театре, совместного смеха и т. д. Когда оно достигает некоторого предела, возникает коллективное возбуждение⁴, и ритуал можно признать успешным.

Успешный ритуал взаимодействия имеет несколько следствий. Во-первых, у его участников возникает групповая солидарность: они осознают себя единой группой, и принадлежность к этой группе становится ценной. Во-вторых, появляются символы групповой принадлежности, или сакральные объекты, эмоционально окрашенные для участников ритуала (часто это те объекты, на которых фокусировалось общее внимание). В-третьих, возникают стандарты групповой морали, направленные на защиту сакральных объектов. Наконец, следствием ритуала взаимодействия является увеличение эмоциональной энергии в индивиде, которая может быть определена как готовность вступать во взаимодействие, сопровождающаяся чувством уверенности и энтузиазмом (Collins, 2004: 49). (На физиологическом уровне это может быть описано как «настроенность» (attunement)

3. Само понятие — interaction ritual — заимствовано автором у Гофмана (Goffman, 1967). В русскоязычной литературе существуют различные варианты перевода interaction ritual: «интерактивный ритуал» (Прозорова, 2007), «ритуал интеракции» (Коллинз, 2004), «ритуал взаимодействия» (Гофман, 2009); мы останавливаемся на последнем варианте как наиболее точном.

4. Этот термин заимствован автором у Дюркгейма и, как было отмечено выше, является ключевым для дюркгеймовской характеристики ритуала.

нервной системы человека на ритмическое вовлечение во взаимодействие с другими людьми.)

Принципиальным является различие между двумя типами ритуалов: статусными и властными; они могут накладываться друг на друга или существовать в чистом виде (Collins, 2004: 111–118; Kemper, Collins, 1990). Властные ритуалы организуются вокруг приказа, когда одна сторона отдает, другая — принимает указания. С точки зрения эмоциональной динамики взаимодействие здесь асимметрично: эмоциональная энергия приказывающего увеличивается (пусть незначительно), эмоциональная энергия подчиненного уменьшается (часто — весьма сильно). Статусные ритуалы происходят внутри группы равных (обладающих статусом принадлежности к группе). В этом случае разделение участников проходит по линии «включение — исключение». Успешный статусный ритуал увеличивает эмоциональную энергию для каждого индивида, включенного в группу, а для исключенных попытка участия во взаимодействии приводит к потере эмоциональной энергии. Статусный ритуал, в ходе которого не произошло коллективное возбуждение, — неудавшийся ритуал (*failed ritual*) — можно рассматривать как порождающий взаимное исключение.

Ключевым положением теории Коллинза является тезис о том, что ритуалы взаимодействия не существуют изолированно. В отличие от Роулз, которая интересуется наиболее общими, фоновыми характеристиками взаимодействия, Коллинз осмысляет связь между взаимодействиями как *последовательность* единичных ритуалов и осмысляет «перевод» мезо- и макроструктур на микроуровень, так что те могут быть представлены как характеристики цепочек взаимодействий. По мысли автора, результаты прошлых взаимодействий влияют на то, в какие ритуалы взаимодействия будет стремиться вступать индивид, какие избегать, какие ритуалы будут успешными, какие — нет. В целом, утверждает он, люди стремятся вступать в те типы ритуалов взаимодействия и в тех группах, которые в прошлом были успешными — а успешность эта «измеряется» уровнем эмоциональной энергии. Как следствие, на мезоуровне цепочки ритуалов взаимодействия складываются в *рынки взаимодействий* (*interaction markets*) (Collins, 2004: 141–182), где «валютой» выступает эмоциональная энергия. (Наиболее известным примером служат брачные рынки, однако можно говорить и о рынках профессиональных достижений или рынках дружбы.) При этом, как и на любых рынках, возникает неравенство — неравенство в уровне эмоциональной энергии. Некоторые поддерживают ее максимальный уровень (часто это те, кто оказывается в центре внимания), некоторые (подчиненные и исключенные) с трудом сохраняют минимальный. Однако это неравенство может быть преодолено или смягчено за счет смены рынка (например, перемены окружения на более подходящее) или образования солидарных групп среди аутсайдеров (Summers-Effler, 2002).

Концепция социального перформанса Дж. Александра была сформулирована в рамках более общей теоретической ориентации, разрабатываемой автором и его коллегами, — культурсоциологии (*cultural sociology*) (Александр, Смит, 2010; Ку-

ракин, 2010). Исследования перформанса могут быть названы культурной прагматикой (по аналогии с языковой прагматикой), сферой исследования практической жизни (и смерти) культурных символов во взаимодействии людей. Они касаются не значения культурных символов и отношений между ними *per se*, а использования символов в конкретных социально-исторических ситуациях; основными же ресурсами для осмысления перформанса выступают исследования символического действия К. Гирца, концепция ритуала Э. Дюркгейма, аналитика представления себя другим И. Гофмана и некоторые другие источники (Alexander, Mast, 2006).

Для Александра концепция социального/культурного перформанса⁵ — концепция среднего уровня, которая позволяет приложить общие положения культурсоциологии к эмпирическому анализу социальных явлений. Она в основном изложена в коллективной монографии в статье «Культурная прагматика: социальный перформанс между ритуалом и стратегией» (Alexander, 2006). Александр определяет социальный перформанс как «социальный процесс, с помощью которого акторы, поодиночке или сообща, представляют (display) другим смысл своей социальной ситуации» (Alexander, 2006: 32). При этом смысл ситуации, который представляют акторы, вовсе не обязательно совпадает с их субъективным определением; это тот смысл, в котором они стремятся убедить аудиторию. Социальный перформанс характеризуется через его элементы⁶ (Alexander, 2006: 32–37): 1) фоновые коллективные представления; 2) сценарий, в котором они воплощены; 3) актора (актера), который их воплощает; 4) аудиторию, которая должна сопереживать актору, верить в убедительность сценария и узнавать фоновые представления; 5) средства символического производства и мизансцену, которые использует актер для воплощения сценария.

Автор рассматривает социальное действие в современном мире как социальный перформанс, который находится между инструментальным стратегическим действием и ритуалом («между ритуалом и стратегией», как вынесено в заглавие статьи). Это означает, что перформанс призван реализовывать стратегические цели акторов, однако актерам для реализации целей необходимо убедить аудиторию в собственной правоте/легитимности. Для этого и служит перформанс.

Ключевая идея Александра состоит в том, что в современном мире элементы социального перформанса становятся все менее связаны между собой. Если в ритуале «примитивных» обществ (а также замкнутых сообществ) «сплавление» (fusion) элементов перформанса происходит практически автоматически, то в современных обществах аудитории все более разнородны и больше не принимают прямого участия в действии, акторы связаны с ролями произвольно, а технологии все более опосредуют перформанс в пространстве и во времени. Иными

5. Выражения «социальный перформанс» и «культурный перформанс» используются Александром как синонимичные.

6. Следует отметить, что Александр выделяет элементы перформанса, основываясь на аналитике «представления себя другим» Гофмана, который рассуждал об актере, аудитории и сцене (Гофман, 2000). Однако автор развивает концепцию Гофмана в направлении анализа динамики культурных символов в процессе взаимодействия, в соответствии с программой культурсоциологии.

словами, происходит «рас-соединение» (de-fusion) элементов, что делает достижение успешного перформанса гораздо менее вероятным. Поэтому необходимо «вос-соединение» (re-fusion) элементов перформанса, которое происходит через культурное расширение (cultural extension) сценария на аудиторию и психологическую идентификацию аудитории с тем, что исполняет актер. Его успех зависит от разных факторов, начиная с аутентичности «игры» актора, заканчивая выбором тех фоновых представлений, которые не вызовут отторжения у конкретной аудитории. При этом важную роль играет умение актора ориентироваться в ситуации здесь-и-сейчас, использовать место и время, задействовать собственную телесность.

Следует отметить сходство в постановке вопроса у Р. Коллинза и Дж. Александра: оба автора интересуются механизмами успешного взаимодействия. Однако Коллинз рассматривает взаимодействие в собственных терминах и успех для него означает в конечном счете возможность участвовать в подобных взаимодействиях в будущем. Это концептуализируется через понятие эмоциональной энергии, и интерес к солидарности и эмоциональной динамике отражается в понятии «*ритуал* взаимодействия». Александр интересуется процессами взаимодействия с точки зрения «вселенной» культурных смыслов как она задействована социальными актерами. Взаимодействие рассматривается как взаимодействие между актером и аудиторией и поэтому называется «социальным перформансом». Его успех оценивается с точки зрения достижения идентификации аудитории с культурными смыслами (коллективными представлениями), при этом предполагается, что она служит инструментальным целям актора, который осуществляет перформанс⁷.

При такой постановке вопроса не вызывает удивления, что Александр сосредотачивается на специфических случаях взаимодействия, очевидно соответствующих его концептуальной схеме: политических выступлениях, театральных представлениях, арт-перформансах. Здесь возникает вопрос о том, является ли модель социального перформанса универсальной моделью взаимодействия или характеризует одну из его разновидностей. Мы полагаем, что более плодотворно рассматривать ее как универсальную модель, при которой процессы взаимодействия рассматриваются в терминах их культурной обусловленности.

*Теория межличностного поведения Дж. Тернера*⁸ разрабатывается автором с середины 1980-х годов. Из ранних работ автора отметим книгу «Теория социального

7. Можно провести параллель: для Александра осмысление микромеханизмов взаимодействия оказывается необходимым на пути к достижению иных исследовательских целей, реализации программы культуросоциологии, подобно тому как в концепции социального перформанса знание этих механизмов оказывается необходимым для реализации стратегических интересов акторов.

8. Теоретическая конструкция Тернера, которую мы рассматриваем в рамках данного исследования, относится к характеристике фокусированного взаимодействия, но автор утверждает, что многие его выводы справедливы и для нефокусированного взаимодействия (Turner, 2002: 25, 27). Различение между фокусированным взаимодействием/столкновением (encounter), где взаимодействующие сохраняют общий фокус внимания, и нефокусированным взаимодействием, которое предполагает соприсутствие без общего фокуса внимания, восходит к работам Гоффмана (Goffman, 1961, 1963).

взаимодействия» (Turner, 1998). В ней Тернер, отталкиваясь от критики теоретического наследия Т. Парсонса, формулирует исходную проблему: основной единицей социологического анализа является не действие, а взаимодействие между людьми. Следовательно, социологии необходима теория взаимодействия, которую и предлагает автор. Однако многие вопросы, принципиальные для Тернера (эмоциональная динамика взаимодействия, влияние мезо- и макроуровня социальной реальности), в ней лишь заявляются на будущее, но не решаются.

Авторское понимание межличностного общения получило наиболее полное изложение в книге «Лицом к лицу: на пути к социологической теории межличностного поведения» (*Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*) (Turner, 2002). Автор начинает анализ с вопроса о том, что происходит, когда люди взаимодействуют лицом-к-лицу (Turner, 2002: 4). При столь широкой постановке вопроса, «что» может относиться к разным вещам, и ответ Тернера затрагивает не столько механизм взаимодействия (как, например, обстоит дело у Коллинза), сколько его предпосылки, условия и результаты. При этом сами механизмы, внутренние процессы взаимодействия почти не обсуждаются, однако можно видеть, что за основу принимается базовая модель символической коммуникации и принятия роли другого Дж. Г. Мида, дополненная характеристикой представления себя другим И. Гофмана⁹.

Логику рассуждений Тернера можно реконструировать следующим образом. Автор исходит из предпосылки, что существование общества и выживание людей требуют, чтобы люди вступали во взаимодействия. Как получается, что социальная ткань не распадается? Базовым ответом на этот вопрос для автора служит эмоциональная регуляция поведения лицом-к-лицу, укорененная в биологической природе человека. Как приматы (здесь Тернер делает экскурс в эволюционную биологию) люди не могут «автоматически» формировать сильные связи — наоборот, они склонны к слабым неустойчивым связям (Turner, 2002: 49–66). Формирование сильных связей происходит за счет «эмоциональных сил»: во взаимодействии задействуются сложные механизмы, пробуждающие и трансформирующие человеческие эмоции. Автор выделяет базовые эмоции (счастье, печаль, страх, гнев) и различные их сочетания — эмоции первого и второго порядка. Именно эти сложные эмоции, такие как стыд, гнев и гордость, по мысли Тернера, способствуют поддержанию социальных связей вместо разрыва, который мог бы произойти под влиянием чистого гнева или страха (Turner, 2002: 67–97).

Итак, эмоции производятся во взаимодействии и «скрепляют» социальную ткань. Но каким образом возникают эмоции — как продукт взаимодействия? Наиболее общий ответ автора состоит в том, что они зависят от двух факторов — выполнения ожиданий и получения санкций, позитивных или негативных.

9. Теория Тернера, по сути, сочетает две традиции: дюркгеймианско-гофманианскую и символический интеракционизм, восходящий к Дж. Г. Миду. Однако несмотря на важность идей последнего, теория межличностного поведения уделяет достаточное внимание проблемам со-присутствия людей и вызванной им эмоциональной динамики, поэтому мы включили ее в сравнительный анализ.

Прежде всего люди вступают во взаимодействие, имея различные «транзакционные потребности»: утверждение Self, инструментальный результат взаимодействия (positive exchange payoffs), принадлежность к группе, доверие, чувство реальности происходящего (sense of facticity) (Turner, 2002: 98–147). Чем больше взаимодействие затрагивает основу Я (core Self), тем менее важны другие потребности и тем более сильные эмоции можно ожидать. Будут ли удовлетворены данные потребности, зависит, на уровне взаимодействия, от различных сил (forces): нормализации через культурные символы, статусов и ролей, «экологического» и демографического измерения. При их характеристике Тернер рассматривает как условия, связанные с самим взаимодействием (например, фокусирование внимания в разных по численности группах), так и структурные условия (например, статусные позиции взаимодействующих). Действие этих сил укоренено в мезоуровне социальной реальности: оно зависит от того, в контексте каких организаций (corporate units) и социальных категорий (categoric units) происходит взаимодействие. Чем более определен контекст, тем легче индивидам регулировать «поток взаимодействия» и тем менее вероятны негативные эмоции (за оговоркой о взаимодействии в условиях социального неравенства для непривилегированных). Успешное удовлетворение потребностей в соответствии с ожиданиями влечет к положительным эмоциям, обратная ситуация — к различным вариантам отрицательных эмоций. Средне- и долгосрочная эмоциональная динамика индивида в сочетании с транзакционными потребностями определяет его дальнейшие взаимодействия.

Следует заметить, что Тернер уделяет особое внимание взаимосвязи между уровнями социальной реальности. По мысли автора, в социальной реальности существуют три качественно различных уровня — макро (институциональные сферы и системы стратификации), мезо (корпоративные и категорийные единицы) и микро (взаимодействия в их связи с поведением, познанием и эмоциями индивидов), каждый из которых обладает собственной логикой. Ключом к пониманию взаимосвязи между уровнями, как при воспроизводстве, так и при изменении социального порядка, является стратификация эмоций и динамика их трансформаций (Turner, 2010).

На наш взгляд, в теории Дж. Тернера наиболее интересна идея о том, что межчеловеческое взаимодействие требует усилий, фокусировки внимания, эмоциональных и интеллектуальных затрат, так что слабые связи являются гораздо менее затратными, чем сильные. Из этого следует значимость эмоций, которые, с одной стороны, делают интенсивное взаимодействие необходимым, а с другой — опосредуют связь между микро- и макроуровнями. Тем не менее нельзя не отметить определенную эклектичность в построении теории, которая представляет набор факторов разного рода и свойства, из разных концептуальных «словарей», которые не всегда складываются в единую картину¹⁰. Это может быть объяснено ис-

10. Например, символическая нормализация явно связана с определением роли, которая транслирует социальный статус. Автор же определяет их как отдельные «силы» (символические, ролевые,

ходной постановкой проблемы: автор рассматривает разного рода принципы фокусированного взаимодействия, однако не он не фиксирует концептуальную схему самого процесса взаимодействия в рамках межличностного поведения. Само же взаимодействие остается во многом непознанным «черным ящиком», и вынесение в заглавие книги понятия «поведение» (с его коннотацией с бихевиоризмом) представляется неслучайным.

Подводя предварительные итоги сравнительного анализа четырех теорий, следует выделить три ключевых момента, характеризующие базовые сходства и специфические различия в постановке проблем общения.

Во-первых, *каждая из концепций, анализируя межчеловеческое общение, начинается с анализа отдельных, локальных взаимодействий, переходя к их транслокальности* («расширению»). Так, Э. Роулз рассуждает о порядке взаимодействия, предполагающем ряд фоновых характеристик взаимодействия, которые делают его осмысленным, упорядоченным и позволяют поддерживать социальное Я. Р. Коллинз предлагает принципиально иной ход: он рассуждает о закономерностях их последовательности, связи во времени, когда опыт прошлых взаимодействий определяет последующие. Дж. Тернер в определенном смысле соединяет эти позиции: «расширение» взаимодействия происходит за счет определения того, как структурные и культурные характеристики определяют опыт прошлых и побуждают к новым взаимодействиям. Как и Роулз, Тернер заявляет об автономии разных уровней социальной реальности; как и Коллинз, он отслеживает цепочки взаимодействий в их временной последовательности и анализирует связь микро-макро через эмоции. Дж. Александер также рассматривает обусловленность взаимодействия макроуровнем социальной реальности, однако, в отличие от Тернера, сосредотачивается на влиянии культуры и только на ней, и взаимодействия «расширяются» через помещение в общий культурный контекст коллективных представлений.

Во-вторых, *рассмотренные теории анализируют общение как особую реальность*, однако предлагают два различных ответа на вопрос, почему общение — это реальность *sui generis*. Первый состоит в том, что общение самоценно: оно порождает эффекты, которые недостижимы иным образом. И Коллинз, и Роулз рассуждают о внутренней обусловленности процессов взаимодействия, отличной от логики социальных структур, при этом признается то, что можно обозначить как потребность в общении. Но на вопрос, почему люди ее испытывают, авторы отвечают по-разному. Для Роулз общение необходимо, потому что именно в нем конституируется «лицо» человеческой особи, оно организовано вокруг поддержания границ своего социального Я. С позиции Коллинза, люди общаются, потому что их нервные системы «настроены» на взаимодействие друг с другом, стремясь к таким взаимодействиям, где эта «настроенность» наибольшая. В фокусе внимания автора находится не сохранение, а изменение, становление, даже разрушение

статусные), перечисляя и рядопологая эти элементы, но не стремясь осмыслить их взаимосвязь. Такой подход в целом характерен для его теоретизирования.

границ, не воспроизводство себя, а создание общности¹¹. Второй ответ на вопрос, почему общение — это реальность *sui generis*, заключается в том, что в процессе взаимодействия людей достижение их индивидуальных целей приобретает иную форму, так что конечный результат перестает быть линейным. Александр фокусируется на трансляции культурных символов в действиях социальных акторов, реализующих собственные интересы. Однако социальный перформанс обладает собственной логикой: ни система культурных символов, ни стратегические цели акторов полностью не определяют того, что происходит во взаимодействии актора с аудиторией. Тернер стремится осмыслить динамику взаимодействия, вписанного в организационный контекст и контекст социальных категорий. Однако и для него взаимодействие обладает собственной реальностью — из-за сложного переплетения действующих в нем сил, а также из-за процессов порождения эмоций, которые укоренены в поведении лицом-к-лицу и могут быть поняты только на этом уровне.

В-третьих, *осмысляя межчеловеческое общение, современные социологические теории выходят за дисциплинарные рамки социологии*. Концепции Роулз и Александра апеллируют к этике и эстетике соответственно. Поддержание Я накладывает на взаимодействующих моральные обязательства, и, рассматривая порядок взаимодействия как конститутивный порядок, Роулз осмысляет и обсуждает его в соотнесении с традицией моральной философии (Rawls, 2009). Александр, разрабатывая концепцию перформанса и рассуждая об «аутентичности», явным образом опирается на достижения художественной критики. Кроме того, исследования Роулз тесно связаны с анализом речи и языка, сближаясь с социолингвистикой, а Александр подчеркивает синтез социологического анализа с социальной антропологией символической сферы (К. Гирц) и ритуалов (В. Тернер). Теория Тернера осуществляет заимствование в другом направлении — у эволюционной биологии и психофизиологии, которые необходимы для понимания сферы человеческих эмоций. Кроме того, его анализ ожиданий и санкций сближается с теорией рационального выбора и с концепциями экономического поведения. Коллинз также активно ссылается на психофизиологию при анализе механизмов вовлечения во взаимодействие и заимствует язык экономики, когда рассуждает о рынках взаимодействий, а его осмысление сакральных объектов сближается с антропологическим. И для каждого автора, в большей или меньшей степени, характерны сближения с социальной психологией — при анализе воспроизводства Self, внутригрупповых и межгрупповых взаимодействий, механизмов формирования и распознавания своих и чужих, динамики ожиданий, групповых ролей и норм, эмоций и солидарности. Однако происходит не заимствование, а именно сближе-

11. Оба эти положения в частном виде формулируются уже в работах И. Гофмана: «Существует неизбежная оппозиция между демонстрацией желания включить индивида и демонстрацией уважения к его частной жизни (privacy)» (Goffman, 1967: 76).

ние проблемных полей¹², так что граница между социологией и социальной психологией требует осмысления и, вероятно, переосмысления.

Поле социологии общения: парадигмы или дилеммы?

Как можно исследовать парадоксальный, многогранный, неуловимый и при этом принципиально важный феномен общения? Именно этот вопрос стоит перед современной социологической теорией, и в предыдущем разделе мы показали, что разные современные теоретики дают отчасти сходные, отчасти отличные ответы на него. Однако каков статус этих сходств и различий в отношении к исходной постановке вопроса?

На первый взгляд различия между различными концептуальными подходами к анализу общения в социологии могут быть рассмотрены как межпарадигмальные/внутрипарадигмальные деления, тем более что проблематика мультипарадигмальности в социологии весьма популярна. В более раннем теоретическом исследовании мы рассуждали о возможности выделения парадигм исследования общения в социологии по аналогии с парадигмами общения в философии (Резаев, Трегубова, 2015в), что позволило провести различие между перспективами социологии коммуникации и социологии общения. Однако данный ход рассуждений более не представляется оправданным: социологические теории и концепции общения, характеризованные выше, разделяют постулат об особой природе и о базовых характеристиках общения, так что для парадигмального деления нет основания. Это можно видеть на примере того, как современные социологические теории, принадлежащие к дюркгеймианско-гофманианской традиции анализа общения, включают предпосылки каждой из социально-философских парадигм исследования общения (Резаев, 1993, 2015) и одновременно обосновывают свою автономию.

Социально-институциональная (марксистская) парадигма рассматривает общение как реализацию общественных отношений. Рассмотренные выше теории социального взаимодействия признают, что общение испытывает влияние структурных условий и является необходимым для их производства и воспроизводства. Однако за общением признается собственная реальность, автономная динамика, которая гибко связана с социальными (структурными и культурными) условиями.

Информационно-коммуникативная парадигма определяет общение как обмен между акторами. В социологических теориях Э. Роулз, Р. Коллинза, Дж. Александера и Дж. Тернера рассматривается обмен информацией, знаками, символами и т. п., однако этот обмен ставится в зависимость не от целесообразности коммуникации и даже не от свойств средств коммуникации, а от динамики общения, которая формируется под влиянием иных причин — способов поддержания Self, процессов порождения эмоций и солидарности.

12. Это можно наблюдать на примере фигуры И. Гофмана, который является признанной фигурой не только в социологии, но и в социальной психологии. Так, его монография «Ритуал взаимодействия» была переведена на русский язык социальными психологами (Гофман, 2009).

Наконец, экзистенциально-феноменологическая парадигма рассматривает общение как создание общности, изменяющее самих субъектов. Рассмотренные теории разделяют тезис о том, что общение конституирует социальных субъектов, однако расширяет этот тезис на любое общение (в том числе на рутинные и нефокусированные взаимодействия), а не только на «глубинные» взаимодействия, о которых писали экзистенционалисты и феноменологи.

Данные параметры в определенном смысле являются «отрицательными», поскольку характеризуют современные социологические теории «от противного». Фиксируя их «положительное» содержание, исследователям более обоснованно, на наш взгляд, следует обращать внимание не на парадигмальное деление, а на формирование исследовательских дилемм. Дилеммы представляют взаимоисключающие ответы на вопросы, как исследовать общение, какую именно из сторон принять за основную (при этом выбор альтернативного ответа для одной из дилемм вовсе не предопределяет выбор для другой, хотя в некоторых случаях делает его более правдоподобным). Тогда каждая из теорий социального взаимодействия характеризуется особым сочетанием альтернативных решений, сами же дилеммы структурируют поле современной социологии общения, понимаемой как направление социологической теории. Мы выделяем десять дилемм, которые могут быть структурированы по пяти блокам.

Дилеммы о границах общения

1. *Процессуальность — дискретность*. Становятся ли предметом анализа отдельные акты общения (единичные взаимодействия)? Или общение рассматривается как «текущий» процесс? Для Коллинза, Тернера и Александра важна дискретность актов общения, локализованных и ограниченных во времени и пространстве. Эти взаимодействия проходят в разных контекстах и складываются в цепочки, так что успешные взаимодействия имеют свойство повторяться. Здесь процессуальность общения рассматривается в терминах присоединения отдельных взаимодействий. Роулз, напротив, обращается к взаимодействию как процессу, которое «живет» в особом времени пауз и смены реплик. При этом границы размыты: при присоединении новых собеседников или по окончании разговора взаимодействие не прекращается, но «поворачивается» в другом направлении, ускоряется или замедляется. Здесь имеет значение то, что определяет эти базовые «фоновые» характеристики общения, — а именно порядки взаимодействия.

2. *Общение — общение + «не-общение»*. Является ли предметом исследования интенсивное, эмоционально насыщенное общение? Или в фокус внимания социолога попадают все виды взаимодействий — в том числе нефокусированные, где собственно взаимодействие практически отсутствует? Коллинз и Александр строят теории фокусированного взаимодействия лицом-к-лицу, осмысляя его механизмы, условия и последствия. Роулз, а также, в определенной степени, Тернер интересуются свойствами общения, которые проявляются и при фокусирован-

ном, и при нефокусированном взаимодействии. Толпа в метро, очередь, прогулка в парке в одиночестве — все это является предметом их интереса, тогда как для двух первых теоретиков это «вырожденные» примеры общения.

Дилеммы о содержании общения

3. *Интерсубъективность как результат — интерсубъективность как предпосылка.* Полагается ли интерсубъективность предпосылкой взаимодействия — как представление об общем, разделяемом мире, укорененное в социокультурном контексте? Или интерсубъективность — как опыт общности — рассматривается как достигаемая во взаимодействии? Роулз и Тернер считают интерсубъективность предпосылкой взаимодействия, для которого главное — не нарушить эту предпосылку. Для Александра и Коллинза, напротив, интерсубъективный опыт достигается в процессе общения, и его достижение вовсе не гарантировано.

4. *Симметричное общение — асимметричное общение.* Рассматриваются ли стороны, вовлеченные в общение, как его симметричные участники? Или модель общения предполагает принципиальную асимметрию? Э. Роулз и Дж. Тернер теоретизируют о взаимодействии, в котором участники задействованы на равных, (относительно) одинаково интенсивно. Каждый здесь — актер и аудитория. Дж. Александер, напротив, предлагает модель перформанса, в котором одна сторона выступает, другая — воспринимает. Теория ритуалов взаимодействия Р. Коллинза начинается с анализа симметричного общения, однако способна концептуализировать и асимметричное общение (как властные ритуалы или как статусные ритуалы с сильной стратификацией).

Дилеммы об обусловленности общения

5. *Общение как цель в себе — общение как средство.* Предполагается ли, что люди общаются, чтобы общаться, или что общение служит инструментальным целям? Александер рассматривает «стратегическое взаимодействие», в котором актер имеет определенную цель — убедить аудиторию, и следует ей. Для Коллинза и Роулз, напротив, важно, что, несмотря на индивидуальные цели акторов, процесс общения имеет ценность в себе, связанную с эмоциями и/или с поддержанием Self. Тернер стремится к синтезу обеих позиций.

6. *Структурные условия — культурные условия — внутренние ресурсы.* Какие факторы, определяющие процессы общения, вводятся в концептуальную модель? Дж. Тернер сосредотачивается на структурных и отчасти культурных условиях макро- и мезоуровня. Дж. Александер теоретизирует о культурных детерминантах успешного перформанса. Р. Коллинз и Э. Роулз, напротив, рассматривают общение в собственных категориях, анализируя механизмы вовлечения во взаимодействие, по отношению к которым социальная структура и культура являются внешней средой.

Дилеммы об индивидуе в общении

7. *Общение и индивиды — индивиды и общение.* Полагаются ли первичными индивиды, действия которых определяют процессы общения? Или исходной точкой служит само общение, в котором происходит становление индивидов? Александер и Тернер начинают с индивидуальных акторов, которые вступают в общение с определенными характеристиками, это общение определяющими. Коллинз и Роулз начинают с самого процесса общения, в котором (из которого) конституируются индивиды.

8. *Общительный человек — вынужденно общительный человек.* Является ли человек по природе общительным? Или он вынуждается к общению устройством социальной жизни? Для Коллинза основная характеристика людей — стремление общаться, вступать во взаимодействия, где общение будет успешным. Это стремление, согласно автору, управляет социальной жизнью. С несколько других позиций Роулз заявляет о том, что общение необходимо и естественно для людей, ведь именно оно позволяет создавать и поддерживать Selves. Тернер, напротив, утверждает, что человек по природе (биологически) склонен к слабым, «текучим» социальным контактам. Поэтому необходима вторичная «привязка» — эмоции, которые и вынуждают индивидов вступать в более близкие взаимодействия. Александер рассматривает социальные перформансы как вынужденное следствие реализации стратегических целей индивидов.

Дилеммы о разновидностях общения

9. *Общение — виды общения.* Рассматривается ли общение как универсальный процесс или выделяются различные его виды? Тернер, Роулз и Александер заявляют об универсальном характере моделей взаимодействия/порядка взаимодействия. В отличие от них, Коллинз, хотя и предлагает единую модель ритуала взаимодействия, но выделяет властные и статусные ритуалы, явно отличные по важным для него характеристикам — прежде всего по динамике эмоциональной энергии.

10. *Историчность — универсальность.* Рассматриваются ли характеристики общения как универсальные или как исторически изменяющиеся? Коллинз и Тернер предлагают универсальные модели взаимодействия, которые, по интенции авторов, можно прилагать к любой исторической эпохе и к любому региону. (Эти модели тесно связаны с тем, как теоретики определяют психофизиологические основания межлического общения.) Александер и Роулз, напротив, проводят различие между характеристиками общения в традиционном и современном обществе (категорийное и командное Self у Роулз, ритуал и рас-соединенный перформанс у Александера).

Выделенные дилеммы характеризуют поле социологии общения как совокупность теоретических направлений, которые сосредотачиваются на различных

сторонах феномена общения. Отношения между этими теориями и концепциями являются отчасти противоречивыми, но чаще — взаимодополняющими, и можно надеяться, что при дальнейшей исследовательской работе значительная часть противоречий окажется мнимой. Если переводить содержание этих дилемм в исследовательские проблемы, можно видеть, что современная социология проблематизирует механизмы поддержания/создания/разрушения интерсубъективности в социальных взаимодействиях; способы транслокализации взаимодействий; гибкую связь между макросоциальной реальностью и общением; влияние общения на социальные Я участников; механизмы производства эмоций в общении.

Следует отметить, что дилеммы были сформулированы на основании сравнения теорий, представляющих собой наиболее сходные случаи и примыкающих к одной концептуальной традиции. Остается открытым вопрос, могут ли они быть применены, без изменений и дополнений, к другим социологическим теориям, проблематизирующим общение. Поэтому в данном виде дилеммы представляют собой скорее гипотезу, предположение, которое, как мы надеемся, окажется полезным для других социологов (и шире — социальных ученых), анализирующих проблемы общения, и станет предметом дальнейшего исследования.

Заключение: чем должна быть социология общения?

В завершение нашего рассуждения обратимся к общей характеристике поля социологического анализа общения, в котором существует дюркгеймианско-гофманианская традиция исследования социальных взаимодействий. Здесь могут быть поставлены три принципиальных вопроса: 1) каково место социологии общения в существующих дисциплинарных границах социальных наук? 2) как современная социология может эмпирически исследовать общение? 3) какие исследовательские области наиболее тесно связаны с социологической теорией общения?

Каков дисциплинарный статус социологии общения? В настоящий момент, как мы уже отмечали (Резаев, Трегубова, 2015в), она представляет собой *новое направление социологической теории*, которое дополняет и, возможно, трансформирует привычное для социологии исследование социальных структур и действий. Теории, предложенные Э. Роулз, Р. Коллинзом, Дж. Александером и Дж. Тернером, характеризуют общение как особую реальность, испытывающую влияние макро- и мезосоциальных условий, но автономную от них. Отсюда социологичность данных теорий состоит парадоксальным образом в отмежевании от «традиционной» социологии и в установлении с ней взаимосвязей. Это касается как «социологии структур», так и «социологии действий»: общение вписано в социальные структуры, в нем реализуются стратегические интересы акторов, но оба обстоятельства являются внешними по отношению к локализованным социальным взаимодействиям, связанным транслокально. При этом аналитика общения оказывается необходимой для понимания того, как «работают» структуры и как осуществляются действия.

Следует также отметить, что рассмотренные социологические теории, как правило, используют отдельные положения (идеи, понятия, методы) других дисциплин, не стремясь систематически вписать собственные наработки в их контекст. Во-первых, каждая теория с необходимостью укоренена в представлении о том, что такое человек и почему/как он взаимодействует с другими людьми. Э. Роулз основывается на этике (моральные требования и обязанности по вовлечению во взаимодействие), Р. Коллинз и Дж. Тернер — на психофизиологии (эмоциональность человека, эмоциональная притягательность общения), Дж. Александер — на эстетике (способность вовлекаться в перформанс). Во-вторых, заимствования из смежных дисциплин задействованы в осмыслении механизмов локальных взаимодействий и их транслокализации: понятие ритуала и сакральных объектов из антропологии, понятия ожиданий, санкций и рынков из экономики и др. Эта стратегия может характеризоваться как *бриколаж*, когда существующие границы нарушаются, а открытия, сделанные в других контекстах, творчески заимствуются и перерабатываются. Поэтому пока представляется сомнительным, чтобы какая-либо из не-социологических дисциплин признала «своими» достижения социологов, рассматривающих общение как теоретическую проблему.

Следующий вопрос состоит в том, каким образом социология может исследовать общение *эмпирически*. В настоящей статье аргумент выстроен на основе реконструкции только социологической теории, поскольку вопрос о методологии эмпирического исследования общения заслуживает отдельного и более детального исследования. Здесь отметим лишь, что теории общения связывают воедино единичные акты взаимодействия, способы их соединения, их условия и результаты. Однако эмпирической фиксации поддаются лишь отдельные явления. Отсюда представляется возможным выделить *три подхода к эмпирической фиксации общения* в социологической практике.

Прежде всего социологи обращаются к *внешним характеристикам общения*. Наблюдение и визуальные методы позволяют фиксировать физическое пространство взаимодействия, положение участников друг относительно друга, мимику и жесты (значит, эмоции), способ задействования предметов во взаимодействии и т. п. (Максимова, 2016). Конверсационный анализ и исследования модуляций голоса регистрируют микроритмы взаимодействия (Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015; Улановский, 2016); измерение гормонального уровня и артериального давления участников до и после взаимодействия способны поведать о динамике эмоций на психофизиологическом уровне (Collins, 2004).

Кроме того, социологи обладают инструментарием для регистрации *субъективных переживаний и смыслов*, связанных с общением. Фотография может использоваться не только для «объективации» ситуаций общения, но и для получения интерпретаций происшедшего от участников общения (Штомпка, 2010). Субъективные смыслы и эмоциональная динамика взаимодействий отслеживается с помощью анализа эго-документов (Collins, 2004), в том числе дневников включенного наблюдения. Качественные интервью, дополненные конверсацион-

ным анализом и дискурс-анализом, также могут быть использованы для выявления смыслов и состояний участников общения, как и критические эксперименты в духе этнометодологии.

Наконец, для социологии существует еще одна возможность исследования общения, а именно фиксация его результата, *социальных взаимосвязей и социальных общностей*. Здесь могут быть использованы сетевой анализ, биографический анализ на основе эго-документов, социометрия, повторные исследования взаимодействий в одной группе, анализ «следов» в средствах удаленной коммуникации (переписки по почте, электронной почте, в социальных сетях) и т. д.

В рамках каждого из этих подходов возможна и необходима творческая работа по использованию, совмещению и переработке существующих методов, а также по заимствованию методик из других дисциплин. Более того, следует стремиться к тому, чтобы сочетать представленные подходы, ибо общение крайне трудно фиксировать эмпирически. Результаты «объективации» общения — конфигурация тел, выражения лиц, длительность пауз — всегда требует интерпретации исследователя, которая не может быть предпринята без понимания смысла происходящего для общающихся. Раскрытие этих смыслов, в свою очередь, требует «мощного» и вместе с тем методологически корректного общения социолога с информантом, что является крайне сложной задачей. А фиксация общности в разные моменты времени и разными способами зачастую приводит к отличным результатам, что опять возвращает к вопросу о внешних характеристиках и субъективных смыслах общения. Поэтому исследования общения должны стремиться к *исследованиям смешанного типа* (mixed methods research), результаты которых призваны проверять и обосновывать друг друга.

Наконец, возникает вопрос о том, какие направления современной социальной науки наиболее перспективны с точки зрения использования достижений социологии общения и наиболее в ней нуждаются. Здесь следует отметить два основных направления — социологию повседневности и социологию эмоций.

Прежде всего ориентация современной социологии на исследование общения на уровне теорий среднего уровня предстает как развитие социологии повседневности. П. Штомпка (Sztompka, 2008) заявляет о становлении новой парадигмы в социологии — социологии социального существования, или «третьей социологии», пришедшей вслед за «первой социологией» социальных организмов и систем и «второй социологией» поведения и действия. Она фокусируется на исследовании повседневной жизни людей среди других людей, во взаимодействии, состязании, конфликте или борьбе с ними. Центральным для социологического объяснения повседневности, согласно аргументации автора, является концептуализация социальных взаимодействий, а в качестве объяснительных теорий повседневности он рассматривает теории Р. Коллинза, Дж. Тернера и Дж. Александера. Выше мы утверждали, что парадигмальное деление, по-видимому, не может быть применено к полю социологии общения. Однако вопрос о том, может ли социология общения

выступать как теоретическое основание отдельной общесоциологической парадигмы — социологии повседневности, остается открытым.

С социологией повседневности пересекается еще один исследовательский поворот — к социологическому анализу эмоций. Социология эмоций как отдельное направление возникла в середине 1970-х годов, хотя ее истоки можно обнаружить в работах классиков социологии: Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля (Barbalet, 1998; Симонова, 2012); сегодня она активно развивается и представляет набор конкурирующих и взаимодополняющих теоретических подходов без доминирования главной теории. Тем не менее значительная часть теоретических подходов ориентируется на осмысление эмоций как «двигателя» и результата социальных взаимодействий (Turner, 2009). В частности, дюркгеймианско-гофманианскую линию исследования эмоций в связи с процессами поддержания социальных связей, солидарности и отчуждения развивают не только Р. Коллинз и Дж. Тернер, но и такие «классики» социологии эмоций, как Т. Шефф (Scheff, 1988, 2000) и А. Хохшильд (Hochschild, 1979). Поэтому логичным и перспективным представляется соединение достижений социологии эмоций с социологией повседневности в общих теоретических рамках, определяемых социологией общения.

Литература

- Александр Дж., Смит Ф. (2010). Сильная программа в культурсоциологии / Пер. с англ. С. Джакуповой // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 11–30.
- Андреева Г. М. (1988). Социальная психология. М.: Изд-во МГУ.
- Евгеньева А. П. (ред.). (1986). Словарь Русского языка. Т. 2. М.: Русский язык.
- Гофман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни. / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Гофман И. (2002). Порядок взаимодействия / Пер. с англ. А. Д. Ковалева // Баньковская С. П. (ред.). Теоретическая социология. Ч. 2. М.: Университет. С. 60–104.
- Гофман Э. (2009). Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. С. С. Степанова и Л. В. Трубицыной. М.: Смысл.
- Деева М. И. (2010). От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 134–154.
- Коллинз Р. (2000). Золотой век макроисторической социологии / Пер. с англ. Н. С. Розова // Розов Н. С. (ред.). Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: Сибирский хронограф. С. 72–89.
- Коллинз Р. (2002). Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н. В. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Коллинз Р. (2004). Программа теории ритуала интеракции / Пер. с англ. А. М. Хохловой // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VII. № 1. С. 27–39.

- Куракин Д. Ю. (2010). «Сильная программа» в культуросоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 155–178.
- Максимова А. С. (2016). Использование видео для изучения социального взаимодействия // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 91–120.
- Ожегов С. И. (1987). Словарь русского языка. М.: Русский язык.
- Прозорова Ю. А. (2007). Теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза: от микроинтеракции к макроструктуре // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. X. № 1. С. 57–73.
- Резаев А. В. (1993). Парадигмы общения: взгляд с позиций социальной философии. СПб.: Изд-во СПбГУ; Иваново: Полинформ.
- Резаев А. В. (2002). Об общении, его социально-философской рефлексии и возможностях социологии коммуникации // Перов Ю. В. (ред.). Homo philosophans: сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 375–395.
- Резаев А. В. (2015). Процесс общения в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы: смена исследовательской оптики // Вопросы философии. № 9. С. 57–65.
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. (2015а). Коммуникация и общение в системной теории Никласа Лумана // Социологические исследования. № 11. С. 148–155.
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. (2015б). Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. № 2. С. 181–154.
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. (2015в). Социология общения и социология коммуникации: основания различия и «точки роста» в современной социологической теории // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 14–26.
- Роулз Э. (2005). Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 3–30.
- Роулз Э. (2014). Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 13. № 2. С. 84–140.
- Сакс Х., Щеглофф Э. А., Джефферсон Г. (2015). Простейшая систематика организации очередности в разговоре / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 14. № 1. С. 142–202.
- Симонова О. А. (2012). Актуальные тенденции в современной социологии: открытие эмоциональности // Современная социология — современной России: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции памяти А. О. Крыштановского. М.: НИУ ВШЭ. С. 411–423.
- Тернер В. (1983). Ритуальный процесс: структура и антиструктура / Пер. с англ. В. А. Бейлиса // Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука. С. 104–264.
- Трегубова Н. Д. (2014). Проблема общения в современной социологической теории. Дисс. ... канд. соц. наук (22.00.01). СПб.: СПбГУ.

- Ушаков Д. Н. (ред.). (1994). Толковый словарь русского языка. Т. 2. М.: Русские словари.
- Улановский А. М. (2016). Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. Т. 27. № 1. С. 218–237.
- Федорова К. (2011). Общество: между всем и ничем // Хархордин О. В. (ред). От общественного к публичному. СПб.: ЕУСПб. С. 13–67.
- Штомпка П. (2010). Визуальная социология: фотография как метод исследования / Пер. с польск. Н. В. Морозовой. М.: Логос.
- Юдин Г. Б. (2013). Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. Т. 12. № 2. С. 122–131.
- Alexander J. (2006). Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Alexander J., Giesen B., Mast J. (eds.). Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. New York: Cambridge University Press. P. 29–90.
- Alexander J., Mast J. (2006) Introduction: Symbolic Action in Theory and Practice: The Cultural Pragmatics of Symbolic Action // Alexander J., Giesen B., Mast J. (eds.). Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual. New York: Cambridge University Press. P. 1–28.
- Barbalet J. (1998). Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. New York: Cambridge University Press.
- Collins R. (1981). On the Microfoundations of Macrosociology // American Journal of Sociology. Vol. 86. № 5. P. 984–1014.
- Collins R. (1989). Towards a New-Median Sociology of Mind // Symbolic Interaction. Vol. 12. № 1. P. 1–32.
- Collins R. (1993). Emotional Energy as the Common Denominator of Rational Action // Rationality and Society. Vol. 5. № 2. P. 203–220.
- Collins R. (2004). Interaction Ritual Chains. Princeton University Press .
- Dennis A., Philburn R., Smith G. (2013). Sociologies of Interaction. Oxford: Wiley.
- Durkheim E. (1964). The Elementary Forms of the Religious Life. London: George Allen & Unwin.
- Goffman E. (1961). Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction Gatherings. London: Penguin.
- Goffman E. (1963). Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. Glencoe: Free Press.
- Goffman E. (1967). Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon Books.
- Hochschild A. R. (1979). Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // American Journal of Sociology. Vol. 85. № 3. P. 551–575.
- Kemper Th. D., Collins R. (1990). Dimensions of Microinteraction // American Journal of Sociology. Vol. 96. № 1. P. 32–68.
- Rawls A.W. (1987). The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory // Sociological Theory. Vol. 5. № 2. P. 136–149.

- Rawls A. W.* (2000). "Race" as an Interaction Order Phenomenon: W. E. B. Du Bois's "Double Consciousness" Thesis Revisited // *Sociological Theory*. Vol. 18. № 2. P. 241–274.
- Rawls A. W.* (2009). An Essay on Two Conceptions of Social Order // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 9. № 4. P. 500–520.
- Rawls A. W., Davis G.* (2005). Accountably Other: Trust, Reciprocity and Exclusion in a Context of Situated Practice // *Human Studies*. Vol. 28. № 4. P. 469–497.
- Scheff T. J.* (1988). Shame and Conformity: The Deference-Emotion System // *American Sociological Review*. Vol. 53. № 3. P. 395–406.
- Scheff T. J.* (2000). Shame and the Social Bond: A Sociological Theory // *Sociological Theory*. Vol. 18. № 1. P. 84–99.
- Summers-Effler E.* (2002). The Micro Potential for Social Change: Emotion, Consciousness, and Social Movement // *Sociological Theory*. Vol. 20. № 1. P. 41–60.
- Sztompka P.* (2008). The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // *European Review*. Vol. 16. № 1. P. 23–37.
- Turner J. H.* (1998). *A Theory of Social Interaction*. Stanford University Press.
- Turner J. H.* (2002). *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Stanford: Stanford University Press.
- Turner J. H.* (2009). The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments // *Emotion Review*. Vol. 1. № 4. P. 340–354.
- Turner J.H.* (2010). The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations // *Sociological Inquiry*. Vol. 80. № 2. P. 168–199.

The Sociology of Social Intercourse in the Social Sciences

Andrey Rezaev

Dr. Sci. (Philos.), Chairperson of Comparative Sociology, St. Petersburg State University
Address: Universitetskaya Naberejnaya, 7-9, Saint Petersburg, Russian Federation 199034
E-mail: a.rezaev@spbu.ru

Natalia Tregubova

PhD in Sociology, Assistant Professor of Comparative Sociology Chair
Address: Universitetskaya Naberejnaya, 7-9, Saint Petersburg, Russian Federation 199034
E-mail: n.tregubova@spbu.ru

The paper aims to discuss the materials and outcomes of recently conducted research dealing with an analysis of the similarities and differences in current sociological theories exploring social inter-connection phenomena. The authors translate the term "*obschenie*" employed in Russian literature as "social intercourse". Four basic theoretical constructions are under scrutiny, those being Anne Rawls' interaction order theory, Randall Collins' interaction ritual chains theory, Jeffrey Alexander's theory of social performance, and Jonathan Turner's theory of interpersonal behavior.

The paper's point of departure is an idea that there is a line ascending from the sociological theory of human interactions to the tradition represented in social science by Durkheim and Goffman. The discussion opens with an attempt to depict and classify the realities of "social intercourse" occurrences, followed with an assessment of its basic characteristics. Having displayed analytical and conceptual problems that the phenomenon "social intercourse" generates for sociological theory, the paper turns to a comparative analysis of the four noted theoretical interpretations of interaction in society. The outcomes of such an analysis drive authors to present and explore the research dilemmas that configure current theoretical sociological analysis of "social intercourse". The closing part of the paper delineates the relations between the sociology of "social intercourse" with the sociology of everyday life and the sociology of emotions.

Keywords: sociological theory, social intercourse, social interaction, comparative analysis, Anne Rawls, Randall Collins, Jeffrey Alexander, Jonathan Turner

References

- Alexander J. (2006) Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy. *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual* (eds. J. Alexander, B. Giesen, J. Mast), New York: Cambridge University Press, pp. 29–90.
- Alexander J., Mast J. (2006) Introduction: Symbolic Action in Theory and Practice: The Cultural Pragmatics of Symbolic Action. *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual* (eds. J. Alexander, B. Giesen, J. Mast), New York: Cambridge University Press, pp. 1–28.
- Alexander J., Smith Ph. (2010) Sil'naja programma v kul'tursociologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 11–30.
- Andreeva G. (1988) *Social'naja psihologija* [Social Psychology], Moscow: MSU.
- Barbalet J. (1998) *Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach*, New York: Cambridge University Press.
- Collins R. (1981) On the Microfoundations of Macrosociology. *American Journal of Sociology*, vol. 86, no 5, pp. 984–1014.
- Collins R. (1989) Towards a New-Median Sociology of Mind. *Symbolic Interaction*, vol. 12, no 1, pp. 1–32.
- Collins R. (1993) Emotional Energy as the Common Denominator of Rational Action. *Rationality and Society*, vol. 5, no 2, pp. 203–220.
- Collins R. (2000) Zolotoj vek makroistoricheskij sociologii [The Golden Age of Macro-Historical Sociology]. *Vremja mira: Al'manah. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v XX veke* [The Time of the World, Vol. 1: Historical Macrosociology in the 20th Century], Novosibirsk: Sibirsky hronograf, pp. 72–89.
- Collins R. (2002) *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change], Novosibirsk, Sibirsky hronograf.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- Collins R. (2004) Programma teorii rituala interakcii [The Program of Interaction Ritual Theory]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 1, pp. 27–39.
- Deeva M. (2010) Ot individual'nogo k razdeljaemomu affektu: postdjurkejmianskaja tradicija v sociologii jemocij [From Individual to Shared Affect: Post-Durkheimian Tradition in the Sociology of Emotions]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 134–154.
- Dennis A., Philburn R., Smith G. (2013) *Sociologies of Interaction*, Oxford: Wiley.
- Durkheim E. (1964) *The Elementary Forms of the Religious Life*, London: George Allen & Unwin.
- Evgeneva A. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo jazyka. T. 2* [Russian Dictionary, Vol. 2], Moscow: Russky jazyk.
- Fedorova K. (2011) Obshestvo: mezhdzhu vsem i nichem [Society: Between Everything and Nothing]. *Ot obshhestvennogo k publicnomu* [From Communal to Public] (ed. O. Kharkhordin), Saint Peterburg: EUSPb, pp. 13–67.
- Goffman E. (1961) *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction Gatherings*, London: Penguin.

- Goffman E. (1963) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*, Glencoe: Free Press.
- Goffman E. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, New York: Pantheon Books.
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo Pole.
- Goffman E. (2002) Porjadok vzaimodejstvija [The Interaction Order]. *Teoreticheskaja sociologija*. T. 2 [Theoretical Sociology, Vol. 2 (ed. S. Bankovskaya), Moscow: Universitet, pp. 60–104.
- Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodejstvija: ocherki povedenija licom k licu* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior], Moscow: Smysl.
- Hochschild A. R. (1979) Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*, vol. 85, no 3, pp. 551–575.
- Kemper Th. D., Collins R. (1990) Dimensions of Microinteraction. *American Journal of Sociology*, vol. 96, no 1, pp. 32–68.
- Kurakin D. (2010) "Sil'naja programma" v kul'tursociologii: istoriko-sociologicheskie, teoreticheskie i metodologicheskie kommentarii [The Strong Program in Cultural Sociology: Commentaries on Theory, Methodology, and History]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 155–178.
- Maximova A. (2016) Ispol'zovanie video dlja izuchenija social'nogo vzaimodejstvija [The Use of Video for Studying Social Interaction]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 3, pp. 91–120.
- Ozhegov S. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo jazyka* [Russian Dictionary], Moscow: Russky jazyk.
- Prozorova Y. (2007) Teorija interaktivnyh ritualov R. Kollinza: ot mikrointerakcii k makrostrukture [R. Collins's Interaction Ritual Theory: From Microrituals to Macrostructure]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 10, no 1, pp. 57–73.
- Rawls A. W. (1987) The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory. *Sociological Theory*, vol. 5, no 2, pp. 136–149.
- Rawls A. W. (2005) Djurkgejmovskaja traktovka praktiki: al'ternativa konkretnyh praktik i predstavlenij kak osnovanij razuma [Durkheim's Treatment of Practice: Concrete Practice vs. Representations as the Foundation of Reason]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 3–30.
- Rawls A. W. (2014) Jepistemologija Djurkgejma: nezamechennyj argument [Durkheim's Epistemology: The Neglected Argument]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 2, pp. 84–140.
- Rawls A. W. (2000) "Race" as an Interaction Order Phenomenon: W. E. B. Du Bois's "Double Consciousness" Thesis Revisited. *Sociological Theory*, vol. 18, no 2, pp. 241–274.
- Rawls A. W. (2009) An Essay on Two Conceptions of Social Order. *Journal of Classical Sociology*, vol. 9, no 4, pp. 500–520.
- Rawls A. W., Davis G. (2005) Accountably Other: Trust, Reciprocity and Exclusion in a Context of Situated Practice. *Human Studies*, vol. 28, no 4, pp. 469–497.
- Rezaev A. (1993) *Paradigmy obshhenija: vzgljad s pozicij social'noj filosofii* [Paradigms of Human Interaction: Social Philosophy's Point of View], Saint Peterburg: SPSU; Ivanovo: Polinform.
- Rezaev A. (2002) Ob obshhenii, ego social'no-filosofskoj refleksii i vozmozhnostjakh sociologii kommunikacii [On Social Intercourse, Its Reflections in Social Philosophy and on the Prospects of Sociology of Communication]. *Homo philosophans* [Homo philosphans] (ed. Y. Perov), Saint Petersburg: Saint Petersburg Society of Philosophy, pp. 375–395.
- Rezaev A. (2015) Process obshhenija v ramkah jekzistencial'no-fenomenologicheskoj paradigmy: smena issledovatel'skoj optiki [Reframing of "Social intercourse" ("Obschenie") through the Lens of Existential-Phenomenological Paradigm]. *Problems of Philosophy*, no 9, pp. 57–65.
- Rezaev A., Tregubova N. (2015) Kommunikacija i obshhenie v sistemoj teorii Niklasy Lumana [Communication and Intercourse in N. Luhmann's Systems Sociology]. *Sociological Studies*, no 11, pp. 148–155.
- Rezaev A., Tregubova N. (2015) Neravenstvo i social'noe isključenje v povsednevnom obshhenii: teoreticheskie osnovanija i sledstvija dlja social'noj politiki [Inequality and Social Exclusion in Everyday Social Intercourse: Theoretical Frames and Implication for Social Policy]. *Journal of Social Policy Studies*, no 2, pp. 181–154.
- Rezaev A., Tregubova N. (2015) Sociologija obshhenija i sociologija kommunikacii: osnovanija razlicenija i "tochki rosta" v sovremennoj sociologicheskoj teorii [Sociology of Social Intercourse

- and Sociology of Communication: Distinction and Vistas for the Theoretical Expansion]. *Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 14–26.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (2015) Prostejšaja sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Russian Sociological Review*, vol. 14, no 1, pp. 142–202.
- Simonova O. (2012) Aktual'nye tendencii v sovremennoj sociologii: otkrytie jemocional'nosti [Recent Trends in Contemporary Sociology [Contemporary Sociology to Contemporary Russia], Moscow: HSE, pp. 411–423.
- Scheff T. J. (1988) Shame and Conformity: The Deference-Emotion System. *American Sociological Review*, vol. 53, no 3, pp. 395–406.
- Scheff T. J. (2000). Shame and the Social Bond: A Sociological Theory. *Sociological Theory*, vol. 18, no 1, pp. 84–99.
- Summers-Effler E. (2002) The Micro Potential for Social Change: Emotion, Consciousness, and Social Movement. *Sociological Theory*, vol. 20, no 1, pp. 41–60.
- Sztompka P. (2008) The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology. *European Review*, vol. 16, no 1, pp. 23–37.
- Sztompka P. (2010) *Vizual'naja sociologija: fotografija kak metod issledovanija* [Visual Sociology: Photography as a Method of Research], Moscow: Logos.
- Tregubova N. (2014) *Problema obshhenija v sovremennoj sociologicheskoj teorii* [The Problem of Social Intercourse in Contemporary Sociological Theory] (PhD thesis), Saint Petersburg: SPSU.
- Turner J. H. (2009) The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments. *Emotion Review*, vol. 1, no 4, pp. 340–354.
- Turner J. H. (1998) *A Theory of Social Interaction*, Stanford: Stanford University Press.
- Turner J. H. (2002) *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*, Stanford: Stanford University Press.
- Turner J. H. (2010) The Stratification of Emotions: Some Preliminary Generalizations. *Sociological Inquiry*, vol. 80, no 2, pp. 168–199.
- Turner V. (1983) Ritual'nyj process: struktura i antistruktura [The Ritual Process: Structure and Anti-Structure]. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual], Moscow: Nauka, pp. 104–264.
- Ulanovsky A. (2016) Fenomenologija razgovora: metod konversacionnogo analiza [Phenomenology of Conversation: Method of Conversation Analysis]. *Issues of Psycholinguistics*, vol. 27, no 1, pp. 218–237.
- Ushakov D. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka. T. 2* [Dictionary of Russian Language, Vol. 2], Moscow: Russkie slovari.
- Yudin G. (2013) Kollektivnoe i individual'noe v filosofskoj antropologii E. Djurkgejma [Collective and Individual in Durkheim's Philosophical Anthropology]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 2, pp. 122–131.